

Ю.В. Костяшов

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Делается попытка выявить стереотипы восприятия русскими людьми Восточной Пруссии и ее жителей начиная с XVII до XX в. В качестве источников используются статейные списки, дневники, письма, воспоминания, путевые заметки и очерки российских военных, дипломатов, писателей, поэтов, ученых, предпринимателей и просто путешественников. Делается вывод, что на протяжении десятилетий и веков представления россиян о своих ближайших зарубежных соседях изменялись под воздействием самых различных обстоятельств и факторов, но гораздо больше в них было общего, повторяющегося.

Если спросить любого калининградца, какие свидетельства своих соотечественников о Восточной Пруссии ему известны, почти наверняка будут названы «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина да «Записки» А.Т. Болотова. Некоторые, возможно, вспомнят мемуары княгини Екатерины Дашковой или военные очерки А.Т. Твардовского и воспоминания И.Г. Эренбурга. Между тем до нас дошло несколько сот принадлежащих перу россиян рассказов о посещении Восточной Пруссии, которые запечатлелись в письмах, дневниках, воспоминаниях, путевых заметках и очерках. Начиная с XVI века и вплоть до Второй мировой войны здесь побывали тысячи русских людей: выдающиеся государственные деятели, включая самих самодержцев от Петра I до Николая II; знаменитые полководцы и дипломаты, могущественные министры и крупные предприниматели; известные ученые, писатели, художники и музыканты; пламенные революционеры, разведчики, студенты и, наконец, просто путешественники. Весь этот пласт русско-немецких региональных отношений до сих пор был плохо изучен и известен лишь фрагментарно [1].

Целью настоящей статьи является попытка выявить некоторые общие стереотипы восприятия русскими людьми Восточной Пруссии и ее жителей. Конечно, на протяжении десятилетий и веков представления россиян о своих ближайших зарубежных соседях эволюционировали, изменяясь под воздействием самых различных обстоятельств и факторов (что может стать предметом отдельного исследования). Однако гораздо больше в них было общего, повторяющегося. И впечатления русского аристократа XVIII в. могут почти дословно совпадать с заметками и размышлениями какого-нибудь унтер-офицера времен Первой мировой войны.

Изучение стереотипов восприятия одних народов другими сегодня стало одним из самых интенсивно развивающихся направлений гуманитарной науки во всем мире. Достаточно вспомнить знаменитый «Вуппертальский проект», осуществленный в ФРГ по инициативе нашего соотечественника Льва Копелева [2]. В последние годы и у нас в стране появилось немалое число работ, в которых рассказывается о восприятии русскими людьми других стран и наций – англичан, французов, бельгийцев, поляков, тех же немцев [3].

И все-таки даже на этом фоне свидетельства россиян о Восточной Пруссии стоят особняком и заслуживают отдельного разговора. Дело в том, что для большинства русских людей эта немецкая провинция оказывалась первым опытом знакомства не только с Германией, но и за границей вообще. Через Восточную Пруссию проходил главный путь из России в Западную Европу, который писатель Н. Лесков еще в прошлом веке окрестил «столбовой русской дорогой» [4]. Проезжая дальше – в Берлин, Рим, Париж, путешественники постепенно утрачивали остроту восприятия, наступало пресыщение

от увиденного, эмоции тускнели. А первая встреча пробуждала жадное любопытство: на Восточную Пруссию смотрели «во все глаза», сравнивали возникавшие перед глазами картины с тем, что они оставили у себя на родине.

Всех россиян, писавших о Восточной Пруссии, можно разделить на четыре группы в соответствии с тем, как они реагировали на увиденное: «объективисты», «критики» (или «скептики»), «позитивисты» и «аналитики».

К объективистам можно отнести тех, кто добросовестно фиксировал факты, не давая им оценки и не высказывая своего собственного отношения к пруссакам и их образу жизни. К такого рода свидетельствам относятся и самые ранние русские описания Восточной Пруссии – так называемые статейные списки XVI-XVII вв., т.е. официальные отчеты послов о выполнении тех или иных дипломатических миссий. И дело не только в том, что сам жанр документа не подразумевал рассказа о личных впечатлениях. До Петра I Запад вообще находился на большом подозрении в России как источник всяческой ереси и угрозы православию. И лишь в редких случаях авторы статейных списков позволяли себе личные ремарки. Так, видный петровский дипломат Прокопий Возницын, побывавший в этих краях в конце XVII в., не удержался от восхищения Мальборком («город знатный и великий») и Эльблонгом («город изрядный, и многолюдный, и стройный, и богатый») [5].

В начале XVIII в. не только были сняты запреты на выезд из России, но Петр I буквально насильно посылал тысячи своих подданных «за море» на науку, в том числе и в ближайший иностранный университет в Кенигсберге [6]. Благодаря его неумолимой энергии произошло резкое расширение контактов россиян с западной цивилизацией, и вскоре после его смерти появились первые свидетельства частных лиц о посещении ими Восточной Пруссии. Видимо, в силу инерции, исторической традиции или все еще сохранявшихся предубеждений к иноверцам, все они на протяжении почти всего XVIII в. больше напоминали сухие отчеты нежели сочинения живых людей [7].

Первым нарушил традицию Денис Иванович Фонвизин. Он же стал родоначальником «критического направления» в сочинениях о Восточной Пруссии. Наш знаменитый комедиограф не сказал ни одного доброго слова по адресу пруссаков. В дорожных письмах 1784 г. он вволю посмеялся над медлительностью местных извозчиков, которые «скачут гораздо тише, чем наши ходоки пешком ходят» и «двадцать русских верст везут восемь часов». «Ехать тише невозможно, – восклицает писатель, – разве стоять на месте». В Мемеле Фонвизин ходил в немецкий театр на трагедию: «Мерзче ничего я от роду не видывал. Я не мог досмотреть первого акта». В местечке Росситтен (совр. пос. Рыбачий), которое он называет «пресквернейшей деревнишкой», путникам пришлось останавливаться в избе, выглядевшей, по его словам, «столь загаженной, что мы не могли в нее войти». Кенигсберг, который писатель посещал в четвертый раз, показался ему еще мрачнее обычного: «Улицы узкие, дома – высокие, набиты немцами, у которых рожи по аршину. Всего же больше не понравилось мне их обыкновение: ввечеру в восемь часов садятся ужинать и ввечеру же в восемь часов вывозят нечистоту из города. Сей обычай дает ясное понятие как об обонянии, так и о вкусе кенигсбергских жителей» [8].

С столь резкие высказывания отчасти были следствием того, что всю дорогу Фонвизина мучили сильные головные боли, а в такие моменты он становился настоящим мизантропом.

Среди ярких критиков восточнопрусской действительности преобладали писатели, поэты и люди ученые. Ставший впоследствии известным славистом И.И. Срезневский побывал в Кенигсберге в 1839 г. во время своей заграничной научной командировки.

Город, как замечает он в письме к матери, «состоит из канав, обставленных шкафами» и «гораздо меньше нежели Харьков». Университет, который собственно и был целью его стажировки, молодой ученый описывает следующими словами: «...старые, дрянные дома, грязные, по крайней мере не чистые. На аудитории страх взглянуть; в уездном училище у нас во 100 раз лучше, даже в приходской школе лучше, потому что это – нечистые комнатки, уставленные грязными столами и скамьями, а кафедры, такие же гадкие, годились бы разве для Миргородской базарной торговки...» [9].

В ряду самых последовательных скептиков оказался и Василий Иванович Немирович-Данченко, некогда необычайно популярный, а ныне совсем забытый писатель, опубликовавший при жизни 80-томное собрание сочинений. В 1893 г. он напечатал обстоятельный очерк о путешествии по Восточной Пруссии, в котором на многих страницах с блеском высмеял нравы, примитивность духовных потребностей и природную ограниченность восточнопруссских обывателей. Вот хотя бы его отзыв о Кенигсберге: «Жалкие, мелкие домишки отдаленных улиц, грязь, слоями лежащая на самых главных, неопрятность жителей, массы славянских типов и множество евреев, встречающихся повсюду, дороговизна гостиниц и отсутствие всякого комфорта в них переносят вас куда хотите, в Россию, Литву, Польшу, но никак не в опрятную Германию. Какие-то допотопные, мохом поросшие извозчики, подобных которым вы встретите только в Вильне, дребезжащие коляски, нищие на улицах, отсутствие всякого порядка и обилие кабаков на каждом шагу, запутанные лабиринты дальних переулков, с бушующими пьяными, приземистые землянки, даже чуть ли не рядом с историческими дворцами и башнями... я более противного места в Германии не знаю. На рубеже двух государств Кенигсберг успел соединить у себя пороки того и другого, не усвоив их достоинств...» [10].

Группу скептиков замыкает поэт Сергей Есенин. В 1922 г., после женитьбы на балерине А. Дункан, он из Москвы на самолете прилетел в Кенигсберг, а затем несколько месяцев провел в Германии. Его высказывания об этой стране и ее гражданах звучат, как приговор: «...Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет... Здесь все выглажено, вылизано и причесано так же почти, как голова Мариенгофа (друга поэта. – *авт.*). Птички какают с разрешения и сидят, где им позволено... Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину...» [11].

Справедливости ради надо сказать, что негативные отклики составляют явное меньшинство, не достигая и десятой части от общего массива свидетельств наших соотечественников о Восточной Пруссии. Гораздо обширнее группа авторов-позитивистов (а можно было бы сказать «восторгистов»), воспринимавших все увиденное «на ура», чьи оценки располагаются в диапазоне от бурного восхищения до тихого умиления. Это главное направление русской мемуаристики сформировалось вскоре после наполеоновских войн и доминировало на протяжении XIX – начала XX в.

Переход границы Восточной Пруссии обычно происходил в районе Эйдткунена или Мемеля. И сразу путешественники словно попадали в другое измерение. А.И. Герцен, впервые и, как оказалось, насовсем выехавший за границу в 1847 г., пишет: «И одного часа езды достаточно, чтоб очутиться совсем в другом мире... Все перемещается, как декорация в театре... Чистота и опрятность свидетельствуют о длинной цивилизации...» [12]. Графа П.Д. Киселева, будущего могущественного министра, опрятность и вид довольствия, царившие в Восточной Пруссии (1818 г.), заставили

вспомнить о родине: «Много лет пройдет еще, пока цивилизация достигнет у нас до того, чтобы водворилось такое благосостояние во всех слоях общества» [13]. Великий драматург А.Н. Островский, в первый раз выехавший за границу в 1862 г., записал в путевом дневнике: «Поля возделаны превосходно, унавожены сплошь, деревни все каменные и выстроены чисто, на всем довольство. Боже мой! Когда-то мы этого дождемся!» [14].

Петр Ильич Чайковский несколько раз бывал проездом в Восточной Пруссии. Об одной из своих поездок он рассказывает в письме к племяннику В.Л. Давыдову 14 (26) декабря 1892 г.: «Ничего не может быть хуже, как мой переезд из Петербурга в Эйдткунен. Ехал я в том самом пакостном вагоне, в котором мы ехали с тобой летом. Неудобно, грязно, двери не запираются, звонок все время звонит, и в довершение всего испортилась печь, и мы спали при 4 или даже 3 градусах температуры!!! Мыться тоже нельзя было, ибо трубы испортились и вода в них обратилась в лед...». И вот наконец граница: «В Эйдткунене пересел в превосходный теплый вагон. Остановился в превосходнейшей гостинице...» [15].

Еще одно характерное свидетельство конца века – педагога и просветительницы Н. Яковлевой: «...от самого Эйдткунена эту русскую, немного растрепанную природу сменил немецкий прибранный ландшафт. Мы едем точно садом: все размерено, рассчитано и отлично возделано. Пашня как будто просеяна сквозь решето; фруктовые деревья с подпорками; везде протянуты на полях проволоки; в лесах, похожих на парки, проведены дорожки, поставлены скамейки. Видно, что хозяин знает так же хорошо каждое дерево своего леса, как каждого члена своей семьи» [16]. «А все-таки с удивительными удобствами хорошо живут немцы, – вторит ей виленский прокурор П.А. Аккерман (1914 г.). – Как у них все, камень к камню, прилажено, обстругано, подчищено. Ширина и распланировка улиц, тротуары, которые свободно могли бы быть под стать нашим столицам, постройки; везде цветники, сады, скверы; перед особняками палисадники с изящными клумбами; все это производит, надо отдать справедливость, очень благоприятное впечатление» [17].

Подобных свидетельств можно было бы привести не один десяток, но ограничимся еще только одним. Это воспоминания Александра Ивановича Верховского (1886-1941) – генерал-майора, военного историка, получившего портфель военного министра в последнем кабинете Керенского, а в годы советской власти ставшего комбригом и репрессированного в 1941 г. Во время Первой мировой войны в качестве офицера Генерального штаба он участвовал в боях на территории Восточной Пруссии. Он вспоминает: «Нарядные магазины, отличные рестораны и пивные с зеркальными окнами. Глаз радовали посаженные между домами сады, отгороженные от улицы красивыми, художественно исполненными металлическими решетками. Зелень и цветы попадались на каждом шагу. За последним четырехэтажным домом города начинались поля, прекрасно обработанные и такие же холеные, как и город, окопанные канавами, обсаженные деревьями. Поражал этот непривычный русскому взору переход от города к деревне: не было неизбежных в русских городах окраин с пустырями и свалками, по которым бродят тощие полудикие собаки. Никаких покосившихся заборов, ям, куч навоза и мусора. Казалось, там, где кончался богатый город, начиналась полная достатка деревня. Ни один кусочек земли не пропадал. Все было использовано: либо построен дом, либо разведен сад, либо прекрасно возделаны поля.

По дороге попадались деревни. Но это не были привычные русскому глазу бедные и заброшенные человеческие поселения с соломенными крышами, местами – курными избами, с грязью неистребимой и, как казалось, вечной. Нет! Тут глаз радовали камен-

ные дома, черепичные кровли, электрическое освещение, мощеные улицы, упитанный скот. Паровые мельницы и фабрики также поражали своей чистотой и совершенством отделки». А дальше Верховский описывает переезд на русскую сторону:

«Гладкое, как паркет, немецкое шоссе оборвалось на границе, и автомобиль то буксовал в зыбучем песке, то застревал в грязи, из которой с глубоким равнодушием к судьбам мира выползали тощие свиньи, обнюхивая воздух в надежде чем-нибудь поживиться. Вместо каменных домов – жалкие лачуги, вместо богатых полей – убогие полоски песчаной земли. Как немцы могли ту же землю, рядом лежащую, сделать плодородной? Густая щетина озимых сменилась на русской стороне границы редкими, как истертая зубная щетка, сжатыми полосами ржи и овса.

Много раз и до этого я слышал о том, что культура Германии выше культуры старой России [18], но этот переход, казавшийся переходом на другую планету, отзывался мучительной болью за свою родную землю» [19].

О комфорте, уюте, красоте жизни в Восточной Пруссии писали почти все авторы, но лишь некоторые пытались пристальнее взглянуть в людей. Уже упомянутый А.И. Герцен, очутившись в Кенигсберге, был поражен тем, что «все встречные смотрят весело и прямо в глаза, и я стал смотреть весело и прямо в глаза...» [20]. Десять лет спустя предприниматель и миллионер Василий Александрович Кокорев (1817-1889) тоже заметил это «странное» настроение: «...все лица светлы, радостны, видно, что их никто не запугивает и что они весело смотрят на Божий мир» [21]. Эта непривычная для русского человека «веселость» нуждалась в каком-то объяснении, как требовала разгадки и тайна благоденствия соседей-иностранцев. Искавшие ответы на эти вопросы русские путешественники и составили группу «аналитиков» – самую интересную среди всех авторов.

Миллионер В. Кокорев видел причину процветания Восточной Пруссии в гражданском равноправии, просвещении и разумной политике властей. «Жизнь народа, – заключает мемуарист, – проникнута смыслом, который добыт свободомыслием и общим участием» [22].

Отсутствие у пруссаков сословных границ, по крайней мере видимых, многим бросалось в глаза. Пожалуй, ярче всего об этом сказал писатель Глеб Успенский, побывавший в Восточной Пруссии в 1872 г. Еще на подъезде к границе, в Литве, ему все меньше и меньше попадался так называемый *простой* народ. «...и едва началась Пруссия, – продолжает писатель, – как *мужика* совсем не стало, его нет. С нами ехали мужики и бабы, – но вовсе не русские, – они одеты по-господски, и только руки в мозолях да необыкновенное здоровье отличают их от господ... я видел, как в поле работали крестьянки, в платье, в соломенной шляпе» [23].

Много лет спустя журналист Михаил Станиславский развил мысль Г. Успенского. Его наблюдения касались Кенигсберга 1913 г.: «...городское население поражает прямо своим необычайно сытым и довольным видом. Чернорабочие, поденщики, уличные метельщики, грузчики, портовые рабочие, ломовые извозчики не представляют в этом отношении ни малейшего исключения, все выглядят здоровыми, опрятно одетыми и с охотой исполняющими свои обязанности людьми» [24].

Авторы-аналитики склонны были видеть источник превращения Восточной Пруссии в «цветущий сад» в природных свойствах германской нации. На первое место чаще всего ставилось удивительное трудолюбие немцев. Путешественники из России неизменно отмечали, что все жители Восточной Пруссии в светлое время суток за работой, все чем-то заняты, нигде не видно праздношатающихся. Кроме трудолюбия, также ча-

сто упоминались такие качества немцев, как: организованность, дисциплинированность, рассудительность, аккуратность и приветливость.

И все-таки, по наблюдениям самых проницательных русских авторов, не эти черты национального характера стали поводом для невольных и обидных сравнений Германии и России и порождали, как однажды выразился М.Е. Салтыков-Щедрин, «чувство неловкости», которое испытывает всякий русский человек, когда он смотрит на красивую и разумно устроенную жизнь соседних народов. Первопричину наш великий сатирик усматривал в общественном устройстве двух стран. В очерке «За рубежом» он сравнивал положение русского и восточнопрусского крестьянина и приходил к выводу, что удел первого – неволя и несправедливость, а второго – свобода и человеческое достоинство: «...на стороне Эйдткунена (т. е. Германии, западной цивилизации вообще. – *авт.*) есть одно важное преимущество, а именно: общее признание, что человеку свойственно человеческое» [25]. В этих словах, кстати, содержалась и полемика с русскими революционерами-социалистами, пытавшимися навязать обществу свои умозрительные схемы. Западная цивилизация в глазах Салтыкова-Щедрина имела то преимущество, что она основывалась на природных качествах человека.

В восприятии русскими Восточной Пруссии (и шире – Запада) имелась еще одна черта, одно противоречие, которое с необыкновенной проницательностью подметил Федор Михайлович Достоевский. Он побывал в Восточной Пруссии в 1867 г., когда первый раз в жизни выехал за границу и чуть позже написал очерк «Зимние заметки о летних впечатлениях».

Это противоречие – сочетание зависти с неистребимым чувством превосходства. Достоевский даже вспомнил Фонвизина с его сарказмом и откровенной бранью по отношению к иностранцам и заметил, что несколько поколений русских с наслаждением перечитывают ругательства Фонвизина и что каждый русский находит в них «что-то неотразимо приятное», хотя и стыдится себе в этом признаться. И дальше Достоевский пишет фразу, которая, быть может, является ключом к разгадке одной из пресловутых тайн русской души: «Тут слышится какое-то мщение за что-то прошедшее и нехорошее. Пожалуй, это чувство и нехорошее, но я как-то убежден, что оно существует чуть не в каждом из нас. Мы, разумеется, бранимся, если нас в этом подозревают, и при этом вовсе не притворяемся, а между тем, я думаю, сам Белинский был в этом смысле тайный славянофил» [26]. Другими словами, у русских самый закоренелый западник и самый законченный либерал все равно в глубине души остается славянофилом.

Размышления Достоевского дополняет еще одна, на первый взгляд, незамысловатая история, рассказанная в мемуарах Александра Бенуа – художника и одного из самых ярких представителей русского серебряного века. Бенуа описывает путешествие за границу 1896 г., в котором его семью сопровождала безграмотная служанка, крестьянка Аннушка. Мемуарист рассказывает, как поезд пересек границу, за Эйдткуненом замелькали красочные картинки Восточной Пруссии – «олицетворение благополучия и плодородия».

«Аннушка, – продолжает Бенуа, – однако, не выражает никакого удивления от той разительной перемены, что произошла, как только по невзрачному мостику мы перешли через границу (я ей объяснил, что мы покинули Россию, что началась новая страна, что это Германия, что живут здесь немцы), и как будто совершенно безучастно... поглядывает в окно. И вдруг лицо ее оживает, рот расплывается в широкую улыбку, и она, провожая глазами что-то мчащееся мимо, произносит фразу: «Ну и немцы! Картошку и ту копать не умеют! Нешто так копают картошку?» Эти слова нашей неграмотной деревенщины поразили меня чрезвычайно, – до того я в них почувствовал

нечто характерно русское, что они запомнились мне на всю жизнь. Не сказался ли в них русский человек и все его отношение к чужеземцу? к немцу? Даже будучи полным невеждой, он уже с колыбели презирает все «немецкое», все «не-русское», он все лучше знает и потому учиться не желает. Устами Аннушки говорила тогда не она, а говорил целый народ – народ, не поддавшийся ни дубинке Петра I, ни муштре Аракчеева» [27].

В заключение резонно задать вопрос: насколько адекватно, всесторонне и глубоко отразилась восточнопрусская действительность в записках и мемуарах русских путешественников? Ответ может показаться парадоксальным, но все написанное русскими о своих соседях скорее похоже на отраженный свет. Все эти письма, дневники и воспоминания гораздо больше говорят о России, россиянах и русском национальном характере. Ну, а Восточная Пруссия, немцы, чужая жизнь – это только предлог для того, чтобы лишний раз подумать и поговорить о себе.

1. Эта тема подробно освещается в подготовленном к изданию автором настоящей статьи совместно с Г.В. Кретиным двухтомном труде «Россияне в Восточной Пруссии». Его первую часть составляет библиографический словарь, включающий жизнеописания более 1300 россиян, чья судьба так или иначе оказалась связанной с Восточной Пруссией. При этом основное внимание в биографических статьях уделяется описанию пребывания конкретных лиц в Восточной Пруссии и характеристики их деятельности в это время. Второй том составлен из текстов дневников, записок, мемуаров и других документальных свидетельств с описаниями Восточной Пруссии и впечатлениями русских людей от встречи с ее жителями. На завершающем этапе исследовательский проект был поддержан Российским гуманитарным научным фондом (грант № 97-01-00020).

2. Подробнее об этом см.: Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 114-115.

3. Ср.: *Бартлиньский Е.* Этноцентризм стереотипа. Польские и немецкие студенты о своих соседях // *Славяноведение*. 1997. № 1; *Виноградов В.Н.* Русские и Россия глазами немцев. XIX в. // *Вопросы истории*. 1994. № 1; *Дмитриев М.В.* Немцы и Германия в восприятии русских // *Вопросы истории*. 1994. № 1; *Ронин В.К.* Подданные царя в городе синьоров. М., 1994; *Оболенская С.В.* Немцы в глазах русских. XIX в.: черты общественной психологии // *Вопросы истории*. 1997. № 12; *Цивьян Т.В.* Взгляд на себя через посредника // *Славяноведение*. 1997. № 1.

4. *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова. М., 1954. С. 499.

5. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1868. Т. 9. Стл. 614, 617.

6. См.: *Костяшов Ю.В., Кретинин Г.В.* Российские студенты времен Петра I в Кенигсберге // *Вопросы истории*. 1994. № 3; они же. Петровское начало: Кенигсбергский университет и российское просвещение XVIII века. Калининград, 1999.

7. В качестве образца можно привести первое подробное описание Восточной Пруссии конца XVIII в. (см.: «Описание Кенигсберга» 1785 г. русского консула Ивана Исакова // Калининградские архивы. Калининград, 1998. Вып. 1. С. 64-78. Публикацию подготовил Ю.В. Костяшов).

8. *Фонвизин Д.И.* Избранные сочинения и письма. М., 1947. С. 246, 249-250.

9. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839-1842. СПб., 1895. С. 51. Подробнее об этом см.: *Лантева Л.П.* Русский ученый И.И. Срезневский о своем пребывании в Кенигсберге в 1839 г. (статья публикуется в сборнике «Калининградские архивы». Вып. 3).

10. *Немирович-Данченко Вас. И.* По Германии и Голландии: Путевые очерки и впечатления. СПб., 1893. С. 15-16.

11. С. Есенин – А. Сахарову, 1 июля 1922 г. // *Собр. соч.*: В 6 т. М., 1980. Т. 6. С. 123.

12. *Герцен А.И.* Письма из Франции и Италии // *Собр. соч.*: В 30 т. М., 1955. Т. 5. С. 25.

13. *Заболоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1. С.57.

14. *Островский А.Н.* Поездка за границу в апреле 1862 г. // *Полн. собр. соч.* М., 1952. Т. 13. С. 238.

15. *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. М., 1979. Т. 16-Б. С. 206.

16. *Яковлева Н.* По Пруссии // Европа. Иллюстрированный географический сборник. М., 1904. С. 256-257.
17. *Аккерман П.А.* Месяц в штабе армии // Голос минувшего. 1917. № 9-10. С. 326.
18. Мемуары А.И. Верховского публиковались уже при советской власти.
19. *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 32.
20. *Герцен А.И.* Указ. соч. С. 26-27.
21. *Кокорев В.А.* Три вечера // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 231. К. 6. Д. 11. Л. 29 об.
22. Там же.
23. Г.И. Успенский – А.В. Успенской, 11 апреля 1872 г. // Полн. собр. соч. М., 1951, Т. 13. С. 95.
24. *Станиславский М.В.* Германия и Россия // Исторический вестник. 1913. № 2. С. 395.
25. *Салтыков-Щедрин М.Е.* За рубежом // Соч.: В 20 т. М., 1972. Т. 14. С. 18-19.
26. *Достоевский Ф.М.* Зимние заметки о летних впечатлениях // Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1973. Т. 5. С. 50.
27. *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 4-5. С. 109.